

*Посвящается необычным, непохожим
на других и храбрым*

ЧАСТЬ I

ДЕВУШКА,

ПТИЦА

И ДЕМОН

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ НИХАОЙ

ДАВНЫМ-ДАВНО в величественном королевстве Авара, где каждое порождение природы, от высочайших вершин до низменных жуков, имело формы скромные, но в то же время божественные, жила ничем не примечательная девушка по имени Отори Миуко. Дочь хозяина единственного оставшегося постоялого двора в деревне Нихаой¹, Миуко была самой обычной по всем мыслимым меркам: красота, ум, обхват бедер — все было при ней, кроме одного.

¹ Дословно «почти пришли». Согласно деревенской легенде, много веков назад, когда Старая Дорога была лишь прогулочной тропинкой, по которой отец и сын направлялись в город. Сын, становясь все нетерпеливее от длительного пути, продолжал спрашивать: «Где мы, отец? Где мы?», и отец, устав от непрекращающихся вопросов ребенка, продолжал отвечать: «Почти пришли. Почти пришли». Сказано, что позже сын основал эту деревню в качестве привала для путешественников, дав ей название Нихаой в память о своем отце. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Она была необычайно громкой.

Однажды, когда ей было два года, мать решила силой затащить девочку в один из кедровых тазов в трактире, в то время как у самой Миуко намерений принимать ванну в тот день не было. Она заверещала так пронзительно, что основания зданий задрожали, колокола близлежащих храмов зазвонили, а приличный обломок и без того полуразрушенного моста с ужасным скрипом рухнул в воду, переплыв реку на добрую четверть мили.

Это было простое совпадение. Миуко в действительности не являлась причиной землетрясения (по крайней мере, не в конкретном случае), но несколько жрецов, прослышав о ее выдающихся вокальных способностях, все как один бросились изгонять из ребенка бесов. Не имело значения, какие заклинания произносились и какие благовония сжигались, они в конце концов столкнулись с разочарованием, обнаружив, что она на самом деле не была одержима. Вместо демона, которого родители держали на руках, оказался лишь голосистый ребенок. Хотя нет, хуже. Голосистая девочка.

Помимо всего прочего, от девушек служилого сословия — а на деле от девушек всех сословий в Аваре — ожидалось, что они будут говорить тихим, мягким голосом, иметь хорошие манеры, быть миловидными, очаровательными, послушными, грациозными, уступчивыми, скромными, услужливыми, беспомощными и во всех отношениях слабее и немогуще любого мужчины. К несчастью для Миуко, этих качеств у нее было

крайне мало. И как итог, к своему семнадцатилетию она обнаружила, что не только способна отпугнуть мужчину силой своего мощного голоса, но и имеет достойные сожаления склонности проливать чай на гостей, совершенно случайно пробивать дырки в ширмах из рисовой бумаги и высказывать свое собственное мнение независимости от того, просили ее об этом или нет.

Ее отцу Рохиро хватало благоразумия никогда не обсуждать с ней этого, а к тому моменту, когда это стало иметь значение, мать девушки давно покинула их. Но Миуко знала, что это ее долг как единственной дочери: найти мужа, родить сына и сохранить наследие отца, передавая семейное дело следующим поколениям. С годами она научилась скрывать свою точку зрения за улыбкой, а истинное выражение лица — за спущенными рукавами, однако несмотря на старания, она плохо подходила на роль прислуживающей девушки. Была слишком заметной, откровенно говоря, что делало ее непривлекательной в обоих случаях: и как служанку, и как женщину.

Потому, учитывая немногочисленные перспективы, Миуко посвятила свои дни содержанию отцовского трактира. Подобно всей деревне Нихаой, постоялый двор претерпевал разорение. Крыша нуждалась в кровле. Соломенные циновки требовали починки. Миуко с Рохиро чинили то, что могли, а если чего-то не умели — вполне обходились и без этого. Они в целом вели спокойную, размеренную жизнь, и Миуко не испытывала (по крайней мере, так она себя убеждала) недовольства.

Однако все изменилось, когда она уронила последнюю чайную чашку.

Стоял поздний августовский полдень, и ничего необычного не происходило. В деревенском храме сидели жрецы и, скрестив ноги, с разной степенью успеха медитировали согласно повелению свыше. Хозяин чайной взвешивал высушенный жасмин на латунных приборах в форме императорских бабочек. В то время как в трактире из рук Миуко выскользнула чайная чашка, когда она убирала ее, и разбилась на мелкие осколки, ударившись о пол.

Миуко вздохнула. За прошедшие годы она повредила все имеющиеся в сервизе чашки. Были среди них те, которые она уронила, те, что треснули во время чистки, а также те, которыми она скакала по каменному двору, представляя, что они были пони (но случилось это лет десять назад). Будучи керамическими, чайные чашки были хрупки по своей природе, но неуклюжесть Миуко настолько усиливала ее волнение, что казалось, стоит только взглянуть на них, и они разобьются.

Учитывая, что последние оставшиеся чашки были либо со сколами, либо склеены, Рохиро решил, что пришло время их заменить. Ему, как правило, нужно было пройти до гончарной мастерской одну милю, но из-за сломанной ноги в этот раз он остался в трактире обслуживать единственного на этой неделе гостя — однорукого владельца фермы по производству шелка, который ненавидел людей, а Миуко отправил за чайными чашками.

Взяв зонтик, она нетерпеливо выскочила из постоялого двора. Во все времена считалось, что девушки не должны появляться в обществе без сопровождения родственника мужского пола, но ввиду отсутствия собственной матери и усугубляющегося состояния трактира отец Миуко, по общему признанию, проявлял небрежность в отношении этого обычая. Потому-то в прошлом Миуко и дозволялось забирать чай из чайной или ходить за яйцами к одному из оставшихся фермеров. Подобные поручения, однако, ограничивались деревней, а перспектива отправиться к обжиговой печи, что находилась далеко за пределами Нихаоя, наполняла Миуко головокружительным восторгом, который она не могла подавить.

Рохиро, статный, широкоплечий мужчина, стоял в дверном проеме и наблюдал за Миуко. Ее мать говорила, что Отори Рохино был куда привлекательнее, чем любой другой мужчина из захолустной деревни имел на это право, и она часто повторяла это, запуская пальцы в его густые черные волосы или пересчитывая появляющиеся из-за смеха морщинки в уголках его глаз.

Не то чтобы Миуко отчетливо об этом помнила.

— Гончар этого не оценит, — обеспокоенно проворкотал Рохино.

По мнению Миуко, привычка отца воркотать что-то под нос умаляла эффект от его приятной внешности, поскольку, как ей казалось, из-за этого он выглядел старше своих сорока трех лет. Он, еще будучи ребенком, частично лишился слуха во время купания

в реке Озоцо, когда жаждущий гери-иги¹ высосал слух из черепа, словно желток из яйца, вследствие чего отец теперь имел слабое представление о том, насколько громко или тихо он говорит.

— Не оценит чего? — поинтересовалась Миуко. — Тот факт, что мы не сможем заплатить ему, пока хозяин фермы тутовых шелкопрядов не съедет и не расплатится с нами, или же то, что я девушка, идущая без должного сопровождения?

— И то, и другое!

Она пожала плечами.

— Гончару придется смириться.

— Говоришь, как твоя мать. — Улыбка отца потухла, как случалось всякий раз, когда он вспоминал о своей супруге, прекрасной во всех отношениях, но совершенно не способной подчиняться. — С каждым днем ты все больше становишься на нее похожа.

Миуко против воли поморщилась.

— Да не дай Бог!

Отец нахмурился, хотя в его глазах светилась мягкость. Вместо того чтобы выглядеть рассерженным, как все остальные отцы, хмурый взгляд придавал ему

¹ Дословно «хватаящий палец» — демон с тонкими конечностями, проживающий под водой. Согласно сказаниям, гери-игису предположительно скрываются вдоль илистого дна рек и мелких озер, где они хватают за лодыжки неосторожных пловцов, утаскивают их в глубокие воды или, как в случае с Отори Рохиро, крадут слух.

грустный вид или, в лучшем случае, выдавал молчаливое разочарование. А это, как известно, было бесконечно хуже.

— Ты могла стать хуже своей матери, знаешь ли, — сказал отец.

— Конечно, — слова слетели с языка прежде, чем она успела подумать. — Я могла стать демоном.

Отец замер, а на его лице отразилась печаль.

Миуко внутренне проклинала себя за столь непокорный язык. Иногда, вопреки доводам жрецов, ей казалось, что она одержима, поскольку ни одна известная ей девушка не выпаливала на каждое замечание ответ, который приходил на ум.

— Простите, отец. — Она низко поклонилась. Какой бы громкой и своенравной девушкой она ни была, Миуко не желала причинять отцу боль. — Прощу, простите меня.

Вздыхнув, он наклонился и поцеловал ее в макушку, как делал это с тех пор, как Миуко была ребенком.

— Ты — моя единственная дочь. Уже простил.

Она искоса взглянула на него.

— А будь у вас другая дочь, вы бы, скорее, затаили обиду?

Рохино усмехнулся и подтолкнул ее по направлению к Старой Дороге.

— Прочь с моих глаз! И поскорее. Никто не в безопасности после недоброго часа.

Она побрела в палисадник, едва не задев кусты камелии кончиком зонта.